

Годъ 2-й.

Кн. IV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1890, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Маравой.
1890.

О КУЛЬТѢ МЕДВѢДЯ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У СѢВЕРНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Не вдаваясь въ предварительныя отвлеченности по поводу интереснаго вопроса о медвѣжьемъ культѣ, мы начнемъ прямо съ фактовъ.

Отъ одного изъ священниковъ нами полученъ слѣдующій рассказъ объ охотѣ на медвѣдя обскихъ остяковъ Тобольскаго округа и о совершаемомъ при этомъ торжествѣ.

Подъ вліяніемъ уваженія и страха къ медвѣдю, во-первыхъ, всякій охотникъ при встрѣчѣ съ нимъ долженъ попросить извиненія: „Извини меня, что я намѣреваюсь убить тебя; ты самъ набрѣлъ на меня, бѣдняжка, такъ не сердись, добрый старичекъ (им имы)!“ Послѣ этого только охотникъ рѣшается сдѣлать выстрѣлъ. Но если онъ не успѣетъ извиниться передъ живымъ медвѣдемъ, то онъ долженъ обязательно сдѣлать это надъ мертвымъ, говоря ему съ укоромъ: „Почто худое дѣло задумалъ, добрый мужичекъ, добрый могучій богатырь, умный старичекъ, почто худой умъ (умыселъ) взялъ? (мисти — отым вяр вяран им хой, им все утр, намыс ины, мисти отым нимых выин)“. Такими выраженіями охотникъ старается какъ-бы снять съ себя отвѣтственность и вину за убійство „добраго старичка“. Когда кончатся эти извиненія, раскладывается курево, и съ медвѣдя приготавливаются снимать шкуру, при чемъ продолжаютъ съ нимъ бесѣдовать и сопровождаютъ каждое дѣйствіе поясненіемъ. Передъ тѣмъ,

какъ пороть шкуру, на брюхо медвѣдя кладутъ семь сухихъ сучковъ. Начиная пороть, снимаютъ первый сучокъ, ломаютъ его и говорятъ медвѣдю: „вотъ смотри—это первую у тебя пуговицу разстегиваемъ“; при этомъ стрѣляютъ на воздухъ изъ ружья. Снимая второй сучокъ и переламывая его на туловищѣ, говорятъ: „вотъ смотри—и вторую пуговицу разстегиваемъ!“ и опять стрѣляютъ. Такъ надрѣзываютъ шкуру, ломая всѣ семь сучковъ и каждый разъ приговаривая и стрѣлая на воздухъ. Когда начинаютъ пороть вдоль туловища, то опять дѣлаютъ выстрѣлъ и приговариваютъ: „вотъ, добрый старичекъ, и камзолъ твой распороли!“ Потомъ разрѣзываютъ переднюю правую лапу и опять сопровождаютъ это выстрѣломъ, а затѣмъ прочія лапы; потомъ начинаютъ оснимывать пальцы, — все это сопровождается выстрѣлами. Такимъ образомъ всѣхъ выстрѣловъ бываетъ до 30. Когда оснимутъ шкуру, то мясо зарываютъ въ землю; при этомъ поясняютъ, что если не зарыть туловище въ землю, то медвѣдь опять надѣнетъ на себя шкуру и тогда станетъ мстить за все, что надъ нимъ продѣлали. Потомъ свертываютъ шкуру и идутъ съ того мѣста по направленію къ дому. Пройдя сажень сто, вновь останавливаются и окружаютъ того, кто несетъ шкуру медвѣдя. Послѣ этого старшій охотникъ начинаетъ рассказывать, что было съ нимъ и съ звѣремъ при встрѣчѣ и во время борьбы; въ концѣ рассказа всѣ окружающіе въ одинъ голосъ кричатъ: „квивіа!“ т. е. „побѣдили“, и при этомъ раздается два, три выстрѣла. Затѣмъ продолжаютъ идти, но нѣсколько разъ останавливаются и повторяютъ ту же церемонію и рассказъ. Всякій остякъ охотникъ, услышавшій въ лѣсу подобные выстрѣлы, отвѣчаетъ съ своей стороны выстрѣломъ. Когда охотники со шкурою приближаются къ жилищу, то навстрѣчу имъ изъ хижины выскакиваютъ старый и малый, даже выползаютъ слѣпые старики, всѣ спѣшатъ съ почтеніемъ встрѣтить дорогого гостя. Всякій старается припасти воды въ сосудъ, а если не успѣетъ, то торопится взять воды въ ротъ, которою, донеся до медвѣжьей шкуры, начинаетъ вспрыскивать охот-

никовъ и шкуру. Шкуру медвѣдя несутъ такъ, какъ мать носить грудныхъ дѣтей, т. е. держа обѣими руками и прижимая къ груди. Когда подходятъ къ дому убившаго медвѣдя охотника, то шкуру въ двери не вносятъ, а вынимаютъ въ переднемъ углу окно и подаютъ чрезъ него ношу въ избу. Все это совершается съ окуриваніемъ шкуры и съ выстрѣлами. Затѣмъ хозяинъ кладетъ шкуру медвѣдя на столъ, въ передній уголъ, укладывая норку или морду на переднія лапы. Далѣе украшаютъ шкуру: если убита самка, то кладутъ бисерную ленту съ крестомъ, которую носятъ остячки; если же самецъ, то шарфъ или полушалокъ (полушалъ). Затѣмъ на улицѣ начинаются шутки, шалости и дурачества, состоящія, напр., въ томъ, что другъ друга купають и обливаютъ водой. Когда всѣхъ выкупають, то расходятся по домамъ съ тѣмъ, чтобы переодѣться въ лучшую праздничную одежду, послѣ чего являються на поклоненіе медвѣдю. Сходятся для этого всѣ безъ исключенія, кромѣ беременныхъ женщинъ. Входящіе кланяются медвѣдю въ поясъ и до земли, цѣлуютъ норку его и помазываются брагою, стоящею передъ шкурою въ туясѣ; приносятъ подарки медвѣдю: кольца надѣваютъ на его когти и пальцы, въ глаза кладутъ серебряныя монеты; затѣмъ приносятъ кушанье: лепешки и рыбные пироги, но не мясо. Всѣмъ угощаютъ медвѣдя и сами угощаются. Наконецъ, появляется музыкальный инструментъ, извѣстный подъ названіемъ *тарабой*, на которомъ играютъ и поютъ пѣсни въ честь медвѣдя цѣлую ночь; между прочимъ, одинъ изъ пѣвцовъ поетъ „пѣсню медвѣдя“, которая была создана медвѣдемъ тогда, когда онъ былъ еще, по преданію остяковъ, человѣкомъ *). Затѣмъ пляшутъ и устраиваютъ представленія, кривляются и кричатъ по звѣриному. Празднество продолжается три дня и поется множество пѣсенъ. При праздникѣ пьютъ водку и брагу. Шкуру послѣ этого уже можно выносить черезъ двери. Медвѣдь считается умилостивленнымъ.

*) Пѣсню эту не всякій можетъ пѣть, и звѣютъ се только старики.

О такомъ же праздникѣ у сургутскихъ остяковъ мы слышали и собрали свѣдѣнія во время плаванія по Оби. Сургутскіе остяки также украшаютъ убитаго медвѣдя шалями, кольцами и т. п., кладутъ его на ковры, всѣ ему кланяются, шаманъ *ѣлтасу* привязываетъ колоколецъ къ палкѣ, звонить и поетъ, на окружающихъ брызжетъ водою. Затѣмъ устраиваютъ представленія, изображая подвиги медвѣдя, — актеры въ берестяныхъ маскахъ. Н. Д. Гондатти *) записалъ эти представленія и пѣсни; ихъ насчитывается въ честь медвѣдя до 300. Празднество здѣсь продолжается также до 3-хъ дней.

У айновъ и гиляковъ также сохранились медвѣжьи праздники, т. е. закланіе медвѣдя въ жертву, сопровождаемое пиромъ. У гиляковъ медвѣдь ловится живой и откармливается въ срубѣ; въ день смерти его привязываютъ къ столбу и украшаютъ стружками, а затѣмъ убиваютъ стрѣлой изъ лука. Мясо съѣдаютъ, а голову и шкуру вѣшаютъ на дерево; это у гиляковъ жертва *ынсику*. Нѣкоторые путешественники, какъ, напр., Шренкъ, передаютъ, что убіеніе живого вскормленнаго медвѣдя обставлено особою торжественностью и процессіей. Медвѣдя сначала выводятъ и употребляютъ усилія, чтобы его спутать и надѣть на его лапы петлю. Для этого заворачиваютъ кого-либо изъ инородцевъ въ солому, въ нѣсколько слоевъ, и перевязываютъ веревками. Обернутый въ солому подходитъ къ медвѣдю, который его начинаетъ теревить. Въ это время накидываютъ на лапы медвѣдя петлю и родъ хомута на шею, къ которому прикрѣплены веревки. Когда медвѣдь опутанъ, его ведутъ насильно къ жилищамъ, при чемъ тянушіе за веревки отъ шлеи не даютъ ему уклоняться съ дороги и отпускаютъ веревки только въ ту сторону, куда желательно направить шествіе медвѣдя. Въ такомъ видѣ медвѣдя заставляютъ входить въ избу, въ жилища и затѣмъ уже совершаютъ его убійство, пуская стрѣлу подъ лѣвую лопатку. Послѣ этого начинается празднество.

*) „Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири“ въ „Трудахъ Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этнографіи“, кн. VIII, стр. 74—87 („Извѣстій“ Общества т. XLVIII, вып. 2).

Г. Де-Препрадовичъ въ этнографическомъ очеркѣ Сахалина описываетъ принесеніе въ жертву у айновъ откормленнаго медвѣдя, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Айны также воспитываютъ медвѣжатъ въ особыхъ срубкахъ, или клѣткахъ, кормятъ ихъ до возраста отваренной рыбой и нерпой, клѣтки укутываютъ на зиму соломой, подрастающаго переводятъ въ другой срубъ. Когда медвѣдь достигнетъ двухлѣтняго возраста, назначаютъ день для праздника и принесенія его въ жертву. Праздникъ начинается съ игрищъ и плясокъ. Такъ продолжается всю ночь. На утро мужчины и женщины окружаютъ клѣтку медвѣдя. Женщины ложатся на землю и оплакиваютъ предстоящую кончину медвѣдя. Затѣмъ начинаются приготовленія. Праздникъ этотъ сопровождался у айновъ выставкой оружія и одежды, причемъ все это было декорировано и вывѣшено на елки и *инау* (жердь). Когда гости съѣхались, приступили къ связыванію медвѣдя. Съ этою цѣлю заготавливаются длинные ремни, и на концѣ каждаго ремня устроена широкая петля, которую на палкѣ просовываютъ въ клѣтку, въ то же время съ другой стороны раздражаютъ медвѣдя палками. Спутать медвѣдя предстоитъ не мало труда. Прочность ремней предварительно пробуютъ растягиваніемъ. Все искусство въ выборѣ момента, чтобы накинуть на медвѣдя петлю, охвативъ его поперекъ живота, причемъ голова его и переднія ноги должны проскочить въ петлю. Три айны взобрались на крышу клѣтки, чтобы разобрать ее, когда медвѣдь будетъ спутанъ. Медвѣдь долго отбивался, сломалъ нѣсколько палокъ, но двѣ петли были на него накинуты. Все время женщины выли и плакали, нѣкоторыя держали корыта съ рисомъ, сараной и дикимъ картофелемъ. Какъ только часть бревенъ была снята съ клѣтки, медвѣдь ринулся, но его удержали ремнями, сбили съ ногъ и, держа за уши, начали надѣвать соломенные убрашенія въ родѣ шлеи. Въ такомъ видѣ его потащили къ мѣсту жертвоприношенія, къ столбу, украшенному стружками въ честь „бога горъ“. Къ столбу приносили разнообразныя угощенія. Затѣмъ старикъ, взявъ

инау, сталъ говорить надъ медвѣдемъ нѣчто въ родѣ молитвы и осѣнять его *инау*. Потомъ подошелъ айно съ лукомъ и всадилъ стрѣлу медвѣдю подъ лѣвую лопатку, такъ что медвѣдь мгновенно умеръ; три айна припали тогда къ нему головами и начали рыдать. Одинъ изъ айновъ былъ раненъ медвѣдемъ во время борьбы и онъ гордился ранюю. Оплакавъ медвѣдя, его разложили на животъ, расправивъ голову на лапы. Затѣмъ голову убрали соломёнными украшениями, къ ушамъ приставили подобіе наушниковъ, поперекъ спины положили саблю съ португесей и соломённый кулекъ съ рисомъ и сараною. Началось угощеніе. Черезъ четверть часа съ медвѣдя сняли украшения и начали сдирать шкуру; затѣмъ изрубили тушу на куски и, сваривъ въ котлахъ, ѣли. Черепъ медвѣдя начинивъ клюквой, сараною и другимъ съѣстнымъ, снесли въ дѣсь и привѣсили къ одной изъ группъ *инау*, посвященныхъ „горному богу“. Обрядъ подвѣшиванія черепа соблюдается не только при „праздникѣ медвѣдя“, но и при всякомъ случайномъ убіеніи звѣря. Даже когда русскіе убиваютъ медвѣдя, айны выпрашиваютъ его черепъ, чтобы подвѣсить его на дерево¹⁾.

У лопарей погребеніе медвѣдя сопровождалось также множествомъ обрядовъ²⁾. Слѣды медвѣжьихъ праздниковъ есть и западнѣе, у бурятъ, описанные Стуковымъ³⁾. О медвѣжьей пляскѣ на Кавказѣ см. „Сборн. свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ“, I, стр. 10.

О пляскѣ надъ шкурою медвѣдя и почитаніи медвѣдя у остяковъ упоминается уже Новицкимъ при описаніи обрядовъ остяцкаго народа въ древнее время⁴⁾. При этомъ Новицкій говоритъ: „его же почитаютъ должностію, виновныхъ себе

1) Сборникъ историко-статистич. свѣдѣній о Сибири, Милютинъ, С.-П.-бургъ 1876 г., II, этнограф. очеркъ Сахалина, стр. 32—39.

2) Этногр. Сборн., VI, стр. 250. Н. Харузинъ, Рус. Лопари, 203 (М. 1890).

3) Зап. Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общества, т. VIII, стр. 162.

4) Краткое описаніе остяцкаго народа 1715 г. Изд. Майкова, 1884 г., стр. 53.

разумѣютъ быти, зане зловѣратъ, яко по убіеніи отъ рукъ
 аще не буде почтенъ, то свое убіеніе убивающему отомститъ“.
 Въ пѣсняхъ своихъ остяки слагаютъ съ себя вину въ убіеніи
 медвѣдя и говорятъ, что желѣзную стрѣлу сдѣлалъ русакъ,
 а не они, а перо на стрѣлѣ — орла. Священникъ Красновъ
 описываетъ отношеніе остяковъ къ медвѣдю такъ: остяки,
 встрѣчаясь въ лѣсу съ медвѣдемъ, ведутъ слѣдующій разговоръ
 съ нимъ: „зачѣмъ ты ищешь насъ и гоняешься за нами?
 что мы сдѣлали тебѣ худое? говори! Ты хочешь ѣсть и
 ищешь въ лѣсу пищу? такъ все равно и мы хотимъ ѣсть
 и ищемъ себѣ пищу! Неужели одна только дорога? тебѣ до-
 рога, намъ другая! Ну, что ты отворачиваешься отъ насъ
 и не смотришь на насъ прямо?“... Такъ остяки стараются
 продлить разговоръ до тѣхъ поръ, пока подоспѣютъ другіе,
 чтобы зарядить ружье и начать охоту. Медвѣдь, по ихъ
 понятіямъ, выслушиваетъ людей и поддается обману. Но
 всѣдъ за убіеніемъ медвѣдя начинается страхъ мести. Вотъ
 чѣмъ вызвана обрядность. „Остяки боятся даже мертвыхъ
 и съѣденныхъ оленей, — повѣствуетъ тотъ же священникъ.
 Когда остяки убьютъ и съѣдятъ медвѣдя, кости его уносятъ
 на улицу и кладутъ со словами: „ты не серчай на насъ!
 это не мы тебя съѣли! это тебя съѣли сороки да вороны!“...¹⁾).

Въ главѣ о финнахъ Георги²⁾ говоритъ, что всѣ сѣвер-
 ные и сѣверо-восточные народы почитаютъ медвѣдя и ду-
 маютъ, что души ихъ, какъ и человѣческія, бессмертны.
 У древнихъ финновъ были особенныя пѣсни, которыя они
 пѣли при убіеніи медвѣдя. Образецъ такой пѣсни приве-
 денъ у Георги въ финскихъ стихахъ:

Дорогой ты, одолѣнный, тяжело раненный мною звѣрь!
 Надѣли хижины наши здоровьемъ и добычею, самому тебѣ
 милою во сто кратъ,
 И постарайся, когда къ намъ возвратишься, объ исправ-
 леніи нашихъ нуждъ.

¹⁾ Потанинъ. Путешеств. по Монголіи, матеріалы этнографическіе.

²⁾ Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ,
 изданіе Миллера 1876 г., часть I, стр. 12.

Мнѣ надобно приступить къ богамъ, виспославшимъ мнѣ
въ сей день столь славную корысть.

Когда, по сокрытіи дневнаго свѣтила за высокія горы,
возвращусь домой,

То пусть въ хижинѣ моей цѣлые три ночи процвѣтаетъ
радость.

Съ охотою и весельемъ взлѣзть буду впредь на горы,
Съ радостію стану домой возвращаться, и злодѣй не по-
смѣетъ ко мнѣ подойти.

Весело начался сей день, весело и проходитьъ.

Безпрерывно стану тебя почитать и буду отъ тебя ждать
добычи,

Чтобъ не позабыть любимой моей медвѣжьей пѣсенки.

Штраленбергъ рассказываетъ о культѣ медвѣдя у вогу-
ловъ: „Я видѣлъ передъ жертвоприношеніемъ вогуловъ,
языческаго народа, живущаго на границахъ между Россіей
и Сибирью, когда имъ удастся убить въ лѣсу различныхъ
медвѣдей (*unterschiedliche Bären*) и когда они приносятъ трехъ
изъ нихъ въ жертву богамъ. Именно, въ деревянной, плохо
сколоченной кумирнѣ (*Götzen-Haus*), ставится столъ — вмѣ-
сто алтаря, за которымъ рядомъ помѣщаютъ другъ подлѣ
друга трехъ медвѣдей, имѣющихъ цѣлыми только однѣ го-
ловы, шкура же съ нихъ снимается и набивается; на каж-
дой сторонѣ мертваго стоялъ малый (*Kerl*) съ большой длин-
ной палкой въ рукѣ. Когда все это было устроено своимъ
порядкомъ, пришелъ другой съ топоромъ и показывалъ
видъ, что онъ намѣренъ напасть на медвѣдей; двое дру-
гихъ, стоявшіе съ палками въ рукахъ, защищали ихъ и
оправдывались при этомъ, что они нисколько не виноваты
въ томъ, что они убили медвѣдей, но что въ этомъ вино-
ваты стрѣлы и желѣзо, которое выковали и сдѣлали рус-
скіе ¹⁾. Подобные же обряды приведены Кастреномъ и пере-
даны кн. Костровымъ въ описаніи Нарымскаго округа ²⁾.

¹⁾ Strahlenberg. Das Nord- und Oestl. Theil von Europa und Asia, etc.
Stockholm. 1730, 81.

²⁾ Кн. Костровъ. Нарымскій край, стр. 48.

Обрядность и поклоненіе медвѣдю возникли изъ первобытныхъ представлений, что медвѣдь подобенъ человѣку и все понимаетъ; мало того: это—существо высшее. Остяки не только допускаютъ въ медвѣдѣ человѣческой умъ и совѣсть, но и приписываютъ ему высшій умъ; они говорятъ: „медвѣдь все знаетъ“. Остякъ говоритъ о медвѣдѣ со страхомъ и не называетъ его по имени, а говоритъ „онъ“. Медвѣдь знаетъ и слышитъ, по мнѣнію остяка, всѣ разговоры человѣка. Тѣмъ, кто непочтителенъ къ нему, онъ мститъ, особенно, кто принесъ ложную присягу. Евисейскіе остяки думаютъ, что медвѣдь человѣкъ и что медвѣжья шкура только покровъ, подъ которымъ скрывается существо, имѣющее человѣческой видъ, одаренное божескою силою и мудростію. По повѣрью васьюганскихъ остяковъ, медвѣдь былъ прежде человѣкъ-богатырь, который ходилъ часто въ лѣсъ и разъ, выбираясь изъ лѣсу, хотѣлъ передѣзть черезъ колоду, снявъ одежду. Передѣзши, онъ увидѣлъ одежду похищенною, а вмѣсто того на немъ выросла медвѣжья шерсть; однако онъ остался по качествамъ человѣкомъ и понимаетъ человѣческой языкъ ¹⁾.

По сказанію алтайцевъ, медвѣдь былъ ханъ, по имени *Коробты-ханъ*. Онъ научилъ одного сироту схватить съ Эрлика (злого духа) шапку. Когда сирота исполнилъ это, то Эрликъ спросилъ, кто его научилъ этому; сирота указалъ на Коробты-хана. Тогда Эрликъ обратилъ его въ медвѣдя, а жену его въ свинью. У урянхайцевъ (сойотовъ) рассказываютъ, что когда *Джелбега* потопилъ людей, и остался одинъ старикъ со старухой, то они бѣжали въ лѣсъ, и старикъ превратился въ медвѣдя, почему медвѣдь обладаетъ человѣческимъ смысломъ ²⁾.

Сибирскіе киргизы также приписываютъ медвѣдю умъ и духовныя качества человѣка ³⁾.

¹⁾ Потанинъ, стр. 755.

²⁾ Ibid.

³⁾ А. Ивановскій. Повѣдка къ киргизамъ на оз. Норъ-Зайсанъ (Русск. Вѣд., 1887 г., № 328).

По бурятскому сказанію, медвѣдь былъ охотникъ и шаманъ. Отправляясь на охоту, онъ обходилъ три раза дерево и превращался въ медвѣдя. По другому сказанію бурятъ забайкальскихъ, медвѣдь былъ человекъ, и очень сильный. Видя, что съ нимъ никто не справится, Богъ отрубилъ у него большой палецъ. Буряты агинскіе говорятъ, что медвѣдь былъ человекъ, который испугалъ богова коня: лошадь брыкнула, богъ упалъ съ лошади и за это обратилъ человека въ медвѣдя. Тунгинскіе и аларскіе буряты величаютъ медвѣдя *ханъ-хунь* — царь-человекъ. Когда они встрѣчаютъ медвѣдя въ берлогѣ, они восклицаютъ: „если ты царь, то сними лукъ и стрѣлы“.

Нѣкоторые инородцы приписываютъ медвѣдю божеское происхожденіе. Остяки называютъ его сыномъ неба, который оставляетъ небо вопреки отцу ¹⁾. Вогулы въ „медвѣжьихъ пѣсняхъ“ называютъ медвѣдя сыномъ высшаго бога, который по зависти низведенъ съ неба на землю. Кереметь въ поволжскихъ легендахъ, спустившись съ неба, принимаетъ образъ медвѣдя, когда хочетъ показаться людямъ ²⁾. Въ исторіи шаманизма сближеніе Эрлика и другихъ божествъ съ медвѣдемъ также часто. Шаманъ олицетворяетъ силу, небесное могущество и божество въ лицѣ медвѣдя и его страшномъ образѣ ³⁾. Принадлежности медвѣдя играютъ роль въ шаманской магіи: медвѣжьи когти прикрѣпляются къ сапогамъ шамана, голова медвѣдя надѣвается вмѣсто шапки, медвѣжья лапа является талисманомъ. Остяки и самоѣды даютъ клятву на медвѣжьей шкурѣ, цѣлуютъ его норку, призывая медвѣдя свидѣтелемъ и ожидая отъ него кары, какъ отъ всевѣдущаго, въ случаѣ ложной присяги. Подобныя представленія находимъ также у лопарей, гдѣ культъ медвѣдя оказывается довольно развитымъ ⁴⁾.

¹⁾ Поляковъ. Письма и отч. о путешествіи въ долину Оби, прилож. къ XXX т. зап. Ак. Наукъ, № 2, стр. 64.

²⁾ Вѣсти. Евр. 1868 г. декабрь, стр. 50.

³⁾ О шаманахъ говорятъ, что они сами могутъ превращаться въ медвѣдя.

⁴⁾ Н. Харузинъ. Русскіе Лопари, 198—204.

Такимъ образомъ медвѣдь является мифическимъ существомъ и играетъ роль полубожества. Какъ у финскихъ и саянско-самоѣдскихъ, такъ и у сибирскихъ тюрковъ и монголовъ, страхъ къ медвѣдю и почтеніе вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ и доселѣ. Въ Алтаѣ, у лѣсныхъ татаръ и близъ Телецкаго озера, мы убѣдились, что охотники никогда не называютъ медвѣдя *аю* — медвѣдь, но всегда говорятъ или „онъ“, или „старичекъ“, „почтенный“ и т. д., хотя среди тѣхъ же охотниковъ мы видѣли людей, убивавшихъ около 50 медвѣдей въ продолженіе жизни. Алтайцы думаютъ, что медвѣдь слышитъ черезъ землю. Кумондинскій шаманъ повѣствовалъ намъ объ Эрликѣ, изображая его медвѣжій видъ, чтобы устрашить насъ, когда мы не показали особеннаго трепета къ Эрлику. Во время охоты на медвѣдя всѣ инородцы принимаютъ мѣры всевозможной предосторожности. Орочены, отправляясь на охоту, надѣваютъ щитикъ съ изображеніемъ медвѣдя и, убивъ дичь, жиромъ ея мажутъ изображение. Инородцы Туруханскаго края подвѣшиваютъ медвѣжьи кости къ оленю для охраны его отъ волковъ. Медвѣжій коготь встрѣчается, какъ амулетъ, у дикарей и находится въ могилахъ каменнаго вѣка; изображение медвѣдя встрѣчается во множествѣ курганныхъ находокъ.

Несомнѣнно, что культъ медвѣдя имѣлъ огромное значеніе въ древнее время у первобытныхъ народовъ. Это естественно объясняется тѣмъ, что медвѣдь былъ для первобытнаго дикаря самымъ грознымъ животнымъ, встрѣченнымъ въ лѣсахъ. Это былъ самый сильный изъ всѣхъ звѣрей на сѣверѣ, иначе—царь лѣсовъ, какъ левъ на югѣ. Онъ былъ страшенъ для первобытнаго дикаря своею силою; онъ поражалъ его тѣмъ, что становился на заднія лапы, чего не могли дѣлать другія животныя, и этимъ напоминалъ человѣка. Общее впечатлѣніе вмѣстѣ съ ревомъ звѣря, его кровожадностію, было громадно для дикаря, и онъ придалъ ему сверхъестественное происхожденіе и силу. Знакомясь съ нимъ въ борьбѣ, онъ увидѣлъ его умъ, хитрость, поэтому придалъ ему человѣческія духовныя качества и человѣческое происхожденіе. Образъ

страшилища преслѣдовалъ его воображеніе даже тогда, когда звѣрь былъ убитъ, и вызывалъ страхъ, почтеніе и поклоненіе. Они страшатся его мести. Остяки до сихъ поръ вступаютъ въ борьбу съ медвѣдемъ, соединяясь по нѣскольку, и только самоѣды вступаютъ въ единоборство.

Разказы о медвѣдяхъ сложились въ мѣны, которые сплетаются съ божественными и героическими мѣнами. Медвѣдь отождествляется иногда съ Эрликомъ и дьяволомъ. Самоѣды говорятъ, что медвѣдь родился отъ женщины, имѣвшей любовную связь съ лѣшимъ — *нимтуръ* ¹⁾. Лѣсной и лѣшій чередуется въ представленіяхъ съ медвѣдемъ. Антропоморфизмъ и разказы о человѣческихъ качествахъ медвѣдя, пережили древній нульть и сохраняются у всѣхъ народовъ.

Русскіе охотники въ Сибири раздѣляютъ всѣ суевѣрія инородцевъ. Русскіе казаки въ Туронскомъ караулѣ передавали г. Потанину, что медвѣдь и волкъ люди „омраченные“; они не могутъ видѣть человѣческое лицо, не выносятъ его; чтобы обмануть медвѣдя, охотники нахлобучиваютъ шапку. Туронскіе охотники говорятъ, что медвѣдь, подобно человѣку, дѣлаетъ затеси на деревьяхъ, какъ будто спрашивая, есть ли кто старше и выше его: если человѣкъ дѣлаетъ затесь на деревѣ, медвѣдь дѣлаетъ выше его ²⁾. Крестьянинъ дер. Веденщиковой разказывалъ, что медвѣдь просилъ у Бога дать ему большой палецъ. Богъ отказалъ, потому что когда бы ему дать большой палецъ, то человѣку нужно бы дать крылья, а собакамъ ружье. По сказанію крестьянъ, у медвѣдя 12 конскихъ силъ. Въ числѣ русскихъ повѣрій есть также, что медвѣдь хотѣлъ крикомъ испугать Бога ³⁾. Сибирскіе охотники разказываютъ, что въ лѣсу приходится говорить съ медвѣдемъ и онъ пони-

¹⁾ Третьяковъ въ Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по Общ. Геог., т. II, стр. 486.

²⁾ Разказъ о тунгусѣ, дѣлавшемъ затеси выше медвѣди, см. у Потанина.

³⁾ Драгомановъ. Малорусскія преданія, 5. — Чубинскій. Труды этнографич.-статист. экп. въ Зап.-Рус. край, т. I, стр. 50.

маеть. — „Это не я стрѣлялъ, а другой стрѣлялъ въ тебя!“ говоритъ испугавшійся охотникъ. Одинъ бродяга ссыльный мнѣ рассказывалъ: „Страннаго человѣка (странника) медвѣдь не тронетъ, онъ знаетъ! Я, встрѣтясь съ нимъ, сказалъ ему: иди, иди, Миша! Я—странный человѣкъ, ничего тебѣ не сдѣлаю. И медвѣдь ушелъ“. Всѣ рассказы о борьбѣ съ медвѣдемъ присвояютъ ему замѣчательную смѣтливость и хитрость.

Культъ медвѣдя долженъ былъ оставить слѣды и у европейскихъ племенъ въ легендахъ и преданіяхъ. У Didron'a¹⁾ упомянуто, что при входѣ въ церковь въ городкѣ Loint, во Франціи, изображена сцена, гдѣ ведутъ животное, поддерживаемое ремнями, къ смертному столбу. У Бернскихъ жителей, въ Швейцаріи, изображеніе медвѣдя является любимѣйшимъ національнымъ символомъ. Медвѣдь изображается вездѣ: на статуеткахъ, на вывѣскахъ, на вещахъ и даже въ объявленіяхъ газетъ. Но этого мало: въ Бернѣ жители держатъ и выкармливаютъ медвѣжатъ въ городскомъ саду, держатъ цѣлое медвѣжье семейство. Разъ въ годъ старѣйшины города собираются и торжественно при жителяхъ ѣдятъ мясо одного убитаго медвѣженка, считая это за особую честь. Не есть ли это переживаніе и отдаленный отголосокъ болѣе древняго обычая, имѣвшаго мифическое значеніе?

Н. Ядринцевъ.

Кромѣ данныхъ о культѣ медвѣдя, приведенныхъ авторомъ предшествующей статьи изъ его личныхъ наблюденій и изъ другихъ источниковъ, считаемъ нужнымъ указать на статью F. Liebrecht'a: „Romulus und die Welfen“ въ его книгѣ: „Zur Volkskunde“ (Heilbronn, 1879), перепечат. изъ журнала „Germania“ (XI, 166). Разбирая легенды разныхъ народовъ о происхожденіи людей отъ животныхъ, и отчасти о превращеніи людей въ животныхъ и рожденіи послѣднихъ отъ жен-

¹⁾ Annal. Archéolog. I, p. 124.

щинъ, авторъ мимоходомъ долженъ былъ коснуться и медвѣжьяго культа, въ которомъ ясно проглядываетъ понятіе о медвѣдѣ, какъ превращенномъ человѣкѣ. Изъ источниковъ, указанныхъ авторомъ въ иностранной литературѣ, ближе касаются этого вопроса слѣдующіе: *Jacob Grimm*, *Deutsche Mythologie* (2 изд.), XXVIII и особ. стран. 1051; *Ею-же Reinhard Fuchs*, XLVII. LVI. 445 и слѣд.; *W. Hertz*, *Der Werwolf* (Stuttgart, 1862), 58; *J. W. Wolf*, *Beiträge zur deutschen Mythologie* (Leipz. 1852, 1857), II, 64 и сл.; *J. G. Müller*, *Geschichte der amerikanisch. Urreligion* (Basel, 1855), 108, 123. Культъ медвѣдя часто смѣшивается съ культомъ волка, собаки и др., на что много указаній разсѣяно въ той же статьѣ Либрехта. Наконецъ, для болѣе полнаго освѣщенія этого вопроса въ области русской этнографіи помещаемъ нижеслѣдующее добавленіе. *Ред.*

Остатки культа медвѣдя, вѣра въ его человѣческое происхожденіе живетъ до сихъ поръ не только у инородцевъ, но и у русскаго народа.

На сѣверѣ Россіи, въ Олонецкой губ., напр., вѣрятъ въ то, что медвѣдь есть человѣкъ, превращенный какимъ-то волшебствомъ въ медвѣдя (разказы о Липъ-деревѣ и порчѣ на свадьбахъ), поэтому, говорятъ крестьяне, медвѣдь самъ никогда не нападетъ на человѣка; нападаетъ лишь изъ мести за причиненное ему неудовольствіе или въ отмщеніе за совершенный грѣхъ, по указанію Бога (даже если корову онъ съѣдаетъ, то считаютъ, что ему Богъ позволилъ). Поэтому, говорятъ, охотники никогда еще не убивали беременной медвѣдицы: она, какъ беременная деревенская женщина, боится, чтобы кто либо не увидѣлъ ее во время акта рожденія; поэтому-же, какъ утверждаютъ, и собака, иначе лающая на волка, иначе на рябчика, иначе на бѣлку и на другія твари, на человѣка и на медвѣдя лаетъ совершенно одинаково: она какъ бы чувствуетъ въ немъ человѣческое существо; поэтому, наконецъ, и мясо его не ѣдятъ крестьяне. Что медвѣдь есть

превращенный человекъ, подтверждается также молвою, гласящею, что было масса случаевъ, когда при сдираниіи кожи съ убитаго медвѣдя оказывалось, что подъ шкурою тѣло медвѣдя опоясано мужчицкимъ кушакомъ, или находили остатки бѣлья, одежды, украшеній и т. д.

Медвѣдь считается звѣремъ особеннымъ, въ заговорахъ выражаются, напр., такъ: избави „отъ различваго звѣря и медвѣдя“, или „отъ всякаго *чернаго* звѣря и *бѣлаго* звѣря (иногда вариация *бураго*) — медвѣдя“. Не мало рассказовъ о его умѣ, смысленности, которая по мнѣнію олонцкихъ крестьянъ чуть ли не превосходитъ человѣческую; много есть и обычаевъ, основанныхъ на этомъ вѣрованіи. Такъ, напр., когда охотники идутъ на „лавасъ“ (помость, устроенный на деревьяхъ близъ какой-либо приманки, куда ходитъ медвѣдь), то всегда идетъ одинъ человекъ лишній. Послѣ того, какъ охотники усядутся на свои мѣста, лишній отправляется домой и все время по пути аукается; иначе, говорятъ, медвѣдь не придетъ.

Любитъ медвѣдь „пошутить“, пугнуть человека; иногда онъ просто становится невдалекѣ на заднія лапы, а передними бросаетъ отхаркиваемую имъ слюну въ человека, котораго ѣсть ему „не показано“. Самка медвѣдя, или, какъ ее обыкновенно зовутъ—„матика“, особенно склонна пугать человека, когда она идетъ со своими дѣтьми; однако бросится, пугнетъ, но не тронетъ. Слово „медвѣдь“ незнакомо олончанину, и ни медвѣдь, ни самъ олончанинъ меда отъ олонцкихъ пчелъ никогда не видали. „Онъ“, „самъ“, „хозяйинъ“, „овсяникъ“, „звѣрь“—вотъ названія, обозначающія всю силу впечатлѣнія, производимаго медвѣдемъ на олонцкаго сельскаго обывателя; въ нихъ же отмѣчены симпатіи медвѣдя, его положеніе въ лѣсной іерархіи, значеніе его для края и страхъ обывателей предъ этимъ „звѣремъ“ изъ олонцкихъ звѣрей.

Г. И. Куликовскій.